

УДК 811.161.1' 06

РЕЧЕВАЯ ПРАКТИКА В АСПЕКТЕ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМНОСТИ

И.Н. Борисова

В статье описывается речедеятельностная структурно-динамическая модель речевого поступка (его компонентная структура и операционный состав). Речевой поступок интерпретируется как конвенциональный прагматический знак, план содержания которого конституируется коммуникативной тактикой и речевой интенцией, а план выражения речевым жанром и речевым шагом. Отношения между структурными компонентами речевого поступка рассматриваются как основания речевой системности (асимметрический дуализм формы и содержания, многозначность, парадигматика, синтагматика, вариативность), а операции перекодирования – как основа прагматической компетентности языковой личности.

Ключевые слова и фразы: прагматическая системность; речевой поступок; коммуникативная тактика; речевая интенция; речевой жанр; речевой шаг.

SPEECH PRACTICE IN ASPECT OF PRAGMATICAL SYSTEMACITY

I.N. Borisova

The article describes the structural and dynamic model of a speech action (its component structure and encoding operations) in terms of speech activity theory. The speech action is treated as a conventional pragmatic sign: its content plane is represented by communicative tactics and speech intentions, while expression plane is done by a speech genre and a speech step. The relations between structural components of a speech action are considered as the basis of speech systemacity (asymmetric dualism of form and content, polysemy, paradigmatic, syntagmatic, variation), while encoding operations are done as the basis of pragmatic competence of a language personality.

Keywords and phrases: pragmatological systemacity; speech acting; communicative tactics; speech intention; speech genre; speech move / step.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект «Прагматические и лингвокультурологические константы неформального русского общения», соглашение № 14-04-00398).

Постановка проблемы. Системная организация речи в современной лингвистике, стилистике и коммуникативистике не подвергается сомнению: речевая системность при этом признаётся «не модификацией и не перестройкой языковой системы, но построением на принципиально другой основе» – на функционально-коммуникативных критериях [Купина, Матвеева 2013: 41]. Различные системные подходы к моделированию речевых явлений взаимно дополняют друг друга и дают возможность разноаспектного и объемного взгляда на способы организации коммуникативных явлений различных уровней, природы и текстовой протяженности (от единичного словоупотребления-речевого до целого функционального

стиля). При этом нельзя не согласиться, что «вопрос о выделении основных единиц речи в их отдельности и взаимозависимости остаётся открытым» [Там же: 44].

Объект нашего исследования – речевой поступок (РП), т.е. элементарное диалогическое коммуникативное действие в речевой форме (соотносимое с первичными, по М.М. Бахтину; элементарными, по М.Ю. Федосюку; одноактными, по Т.В. Шмелевой, речевыми жанрами). РП является единицей описания речевой практики (речевого поведения), а его продукт (речевой шаг – РШ) – минимальной конструктивной единицей реплики естественного диалога. Предмет исследования – системные прагматические отношения, обусловленные речедеятельностной структурой этих единиц.

В лингвистической прагматике существует несколько научных парадигм, в рамках которых исследуются элементарные речевые действия: теория речевых актов (Дж. Р Серль, Дж. Остин и др.), теория речевых жанров (Н.Д. Арутюнова, М.М. Бахтин, В.В. Дементьев, К.Ф. Седов, М.Ю. Федосюк, Т.В. Шмелева и др.), теория коммуникативных стратегий и тактик (О.С. Иссерс, Е.М. Верещагин, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова, И.П. Сусов и др.). Общим для всех этих теорий является функционально-прагматический подход к описанию речевых действий. Основой выделения элементарного речевого действия является категория интенции (коммуникативного намерения). Следует отметить, что в коммуникативной прагматике феномен интенции описывается на различных уровнях абстрагирования от реалий текущего коммуникативного события, но всегда является критерием выделения речевых единиц на прагматическом основании. Так, в теории речевых актов интенция соотносится с иллокуцией – максимально обобщенной типовой целью речевого акта, рассматриваемого в отвлечении от коммуникативного контекста (структурные составляющие речевого акта – иллокуция, локуция и перлокутивный эффект). В теории речевых жанров (первичных, элементарных) на основании интенции выделяются типовые классы высказываний, характеризующиеся функционально, содержательно и структурно (совет, просьба и под.). При тактико-стратегическом подходе к описанию речевой интеракции в основе описания лежит тактическая интенция, описывающая речевое действие в аспекте его мотивации и целеполагания в данном коммуникативном событии (соотносительные единицы описания – речевые стратегия и тактика, речевой ход / шаг). Эти концепции относительно независимы, хотя описывают различные аспекты одного феномена – речевого действия. В связи с этим представляется актуальным для современной теоретической лингвистики, в которой сосуществуют различные, часто несовместимые, концепции языка, призыв

А.Д. Кошелева строить синтетическую теорию языка «с учетом проблем и результатов отдельных разделов языкознания» [Кошелев 2013: 19]. К тому же с точки зрения коммуникативной прагматики, попытки построить речевую системность на классификационных основаниях слишком лингвистичны, далеки от описания реального «коммуникативного устройства», прагматических оснований коммуникативной компетентности (реальных ориентиров, которыми руководствуется говорящий при речепроизводстве). Эти ориентиры в прагматиконе языковой личности (Ю.Н. Караулов) должны давать достаточно простые функциональные основания, которые могут использоваться говорящим в on-line режиме спонтанной речи.

Структура речевого поступка как основной единицы коммуникативной практики. Прагматическая системность в свете речедейятельностного подхода основывается на утверждении Н.И. Жинкина об акциональном характере речи: «Речь – это действие, которое совершает один партнер по отношению к другому для передачи мысли и смыслового воздействия» [Жинкин 1982: 18]. В интерактивном плане речевое действие всегда встроено в социальную деятельность, обслуживает другие типы деятельности, реализует социальную интеракцию. А.А. Леонтьев в связи с этим писал: «... речь – не замкнутый акт деятельности, а совокупность отдельных речевых действий, имеющих собственную промежуточную цель, подчиненную цели акта деятельности, в который они входят, и побуждаемый общим для этого акта деятельности мотивом» [Леонтьев 1997: 63].

Объектом наблюдения в коммуникативной прагматике является речевое поведение участников коммуникации. В самом общем виде речевое поведение может быть определено как эмпирически наблюдаемое, воспринимаемое и интерпретируемое адресатом внешнее проявление (в вербальной и невербальной формах) коммуникативной деятельности говорящего. Речевое поведение представляет собой линейную синтагматическую последовательность речевых поступков. РП – основная единица коммуникативной практики, минимальная единица описания коммуникативного поведения. Он процессуален и в этом смысле отвечает требованию анализа целого (речевого поведения) по единицам: «под единицей мы подразумеваем такой продукт анализа, который, в отличие от элементов, обладает всеми основными свойствами, присущими целому и который является далее неразложимыми живыми частями этого единства» [Выготский 1999: 13]. Можно предположить, что РП как элементарная единица коммуникативно-прагматического анализа находится на том уровне абстракции речевых действий, который с наибольшей

адекватностью отражает психолингвистические реалии речевого общения. Именно этот уровень коммуникативной практики языковой личности, по нашему мнению, является ведущим, «осознаваемым» (по А.А. Леонтьеву) коммуникативными партнерами, выстраивающими интерактивное речевое поведение в диалоге.

В процессе формирования РП можно условно выделить два аспекта: интерактивный (социальная интеракция) и собственно коммуникативный (речевое взаимодействие). Тогда условно первая фаза доречевого этапа РП представляет собой ориентировку в текущей социальной интеракции и включает процессы обстановочной афферентации: «Влияние всех экстралингвистических факторов на производство речи опосредуется человеком, производителем речи, поэтому это влияние значимо для речепроизводства в той степени, в какой оно учитывается коммуникантом осознанно (в процессе оперативного контроля) или неосознанно» [Тарасов 1977: 75]. Когнитивным результатом ориентировки в условиях общения является опознание типа коммуникативного события, уяснение собственной коммуникативной роли в нем, формирование мотивационного состояния. Когнитивным продуктом на данном этапе является принятие решения о коммуникативных действиях, приводящих к достижению цели – т.е. выбор коммуникативной тактики (КТ). Таким образом, КТ – оперативное решение о целеполагании в данной социальной интеракции, связанное с «образом потребного будущего», т.е. достигаемого практического результата.

Эти положения подтверждаются результатами *case study* по планированию коммуникативной стратегии: этот эксперимент проводился нами в течение 6 лет на занятиях студентов 4 курса филологического факультета по психолингвистике. Его цель – рефлексия (выведение в «светлую зону сознания») довербальных фаз коммуникативной деятельности. Студентам предлагаются общие условия мотивации коммуникативной задачи: *«Представьте, что завтра вам предстоит важная встреча (свидание / презентация проекта / творческое выступление на публике или др.). Для нее вам необходима вещь (аксессуар одежды, книга, ноутбук или др.), которой нет у вас, но есть у вашего друга / подруги. Вам кажется, что ваш успех зависит от наличия у вас этого предмета. Ситуация осложняется тем, что накануне вы поссорились с другом / подругой. Задание: 1) конкретизируйте жизненные обстоятельства; 2) спланируйте и опишите ваши коммуникативные действия; 3) представьте (исполните) возможный диалог с другом / подругой»*. Наблюдения над способом выполнения студентами этого задания убеждают, что уровень тактико-стратегического планирования социальной интеракции предшествует

собственно речевому планированию и протекает практически без номинаций речевых интенций. Как правило, используются номинации коммуникативных тактик типа: «сначала нужно установить контакт», «надо встретиться, чтобы помириться», «нужно восстановить хорошие отношения», «нужно сначала добиться расположения и сочувствия», «даже если я не виновата, нужно признать свою вину», «надо показать, что причина ссоры пустяковая», «нужно взять вину на себя», «нужно вызвать сочувствие», «надо доказать, что я ее люблю», «нужно сделать так, чтобы она поняла, что наши отношения важны для нас обоих» и под. Только после принятия решения о стратегии социальной интеракции строится последовательность собственно речевых действий, которые номинируются по своей интенции, или функции речевого жанра: «извиниться», «попросить прощения», «сказать комплимент», «признаться, что она для меня единственное спасение», «сказать, что без нее мне не обойтись», в результате «попросить помощи», «умолять», «уговорить» и под. Этот опыт демонстрирует, что первичными коммуникативными интенциями являются единицы социальной интеракции (назовем их коммуникативными тактиками – КТ), которые затем конкретизируются в речевой интенции (РИ) и оформляются в различных речевых жанрах (РЖ), а затем реализуются в языковой форме – как фрагменты высказываний (речевые шаги – РШ). В рефлексии стратегии речевого взаимодействия наблюдаем регулярное воспроизведение диады КТ – РЖ в структуре довербальной фазы речевого поступка.

Особенно ярко различие между КТ и РИ, функционально соотнесенной с жанровой формой, проявляется в случае непрямого общения [Дементьев 2000]. Рассмотрим в качестве показательного примера бытовой микродиалог матери (М.) и сына (С.):

М (1) – Ты сегодня выходишь собираешься?

С (1) – Да вроде нет... А что нужно?

М (2) – Хлеба и корм Шару//

С (2) – Ладно, через час//

Коммуникативная тактика М. – вызвать желаемое действие С. (покупка хлеба и корма собаке). Речевая интенция, в которой конкретизируется тактика (как и РЖ, в котором она оформляется) – не просьба (регулярное и наиболее частотное прямое соответствие данной тактике), а информативный вопрос о планах (намерениях) сына М (1): *Ты сегодня выходишь собираешься?* В ответной реплике сына С. (1) наблюдаем сначала информативную КТ (РЖ ответ: *Да вроде нет...*) на РИ вопроса, обусловленную его сильным иллокутивным вынуждением, а затем речевой рефлекс (РИ – встречный вопрос-предположение)

коммуникативной тактики декодирования истинного коммуникативного смысла этого вопроса, т.е. КТ, косвенно оформленной в вопросе матери (С.: *А что нужно?*) Затем следует реплика М. (2), окончательно поясняющая тактическую мотивацию М. (1) и: [Купить] *хлеба и корм Шару* [собаке]. В С. (2) КТ согласия совершить искомое действие прямо выражено в РЖ согласия 'положительный ответ как реакция на побуждение': *Ладно, через час.*

С учетом фазы языкового кодирования и исполнения третьим структурным компонентом речевого поступка будет речевой шаг (РШ) – фрагмент высказывания, в языковой форме реализующий КТ. Тогда полная динамическая структура речевого поступка может быть описана формулой:

$$РП = КТ - РИ - РЖ - РШ$$

Наши выводы согласуются с точкой зрения И.Ф. Тарасова, который отмечает, что в рамках психолингвистического подхода «последовательно различаются речевая коммуникация и интеракция (социальное взаимодействие) коммуникантов» [Тарасов 1977: 68]. Динамический аспект речевой систематики отражает речеповеденческие механизмы (психолингвистические реалии) процесса коммуникации, которые в общепринятых терминах коммуникативной прагматики могут быть описаны как кодовые переходы КТ – РИ; РИ – РЖ; РЖ – РШ. Отметим, что РИ в нашей модели методологически выделяется как промежуточное звено, когнитивное функционально-прагматическое основание кодовых переходов от КТ к культурно обусловленным типизированным речевым (тематически, композиционно и стилистически определенным) формам выражения коммуникативной интенции – РЖ.

Первая ступень перекодирования в фазе замысла (КТ – РИ) представлена **отношениями конкретизации** социально-коммуникативной интенции (коммуникативной тактики – КТ) в связанную с ней речевую интенцию (РИ), происходит соотнесение личных ситуативных целей и образов результата речевого поступка с конвенциональными типизированными речевыми интенциями, функционально определяющими тип речевого жанра. Так коммуникативная цель КТ конкретизируется в речевой интенции.

Вторая ступень перекодирования (РИ – РЖ) в фазе речеоформления связана с реализацией коммуникативного действия в формах конкретных речевых жанров, функционально соотнесенных с выбранной коммуникативной интенцией (просьба о помощи, совет, отрицание вины и пр.). Чаще всего номинация инварианта РИ совпадает с названием РЖ (например, просьба). РИ и РЖ связаны **отношениями социокультурной**

конвенционализации, т.е. речевая интенция оформляется посредством стилистически, тематически и композиционно закрепленного в данной лингвокультуре речевого жанра. Когнитивным результатом этих операций является решение о выборе РЖ для прямого или косвенного выражения КТ. При этом происходит социокультурная конвенционализация КТ: приведение индивидуального решения о цели социальной интеракции к типичным для данного коммуникативного события социально-культурным формам речевого взаимодействия.

Наконец, третья ступень перекодирования (РЖ – РШ) в фазе исполнения речи связана с операциями кодирования в знаках определенного языка, т.е. *отношениями языковой репрезентации* в устной или письменной форме (произнесением / написанием).

Динамика кодовых переходов в структуре РП может быть описана как последовательность операций конкретизации коммуникативной тактики в речевой интенции, конвенционализации речевой интенции в форме речевого жанра, языковой реализации речевого жанра в границах речевого шага.

М.М. Бахтин в статье «К архитектонике поступка» провозгласил основным качеством поступка умение человека «участно мыслить», «т.е. не отделять своего поступка от его продукта, а соотносить их и стремиться определить в едином и единственном контексте жизни как неделимые в нем» (цит по: [Пешков 1996: 67]). Кажется, что предложенная структурно-динамическая организация РП соответствует идеям М.М. Бахтина об «ответственном замысле поступка», «ответственном единстве поступка человека», в том числе, очевидно, и речевого. Ответственность говорящего в терминах нашей модели может быть интерпретирована как обязательство обеспечить в рамках речевого поступка адекватное речевое и языковое выражение его коммуникативного смысла, замысла, т.е. соответствие кодирования коммуникативной тактики речевому жанру и результирующему продукту – речевому шагу.

Прагматическая системность в ономаσιологическом аспекте. Предложенная выше концепция речевого поступка как прагмасемиотической единицы коммуникативного поведения, структурные компоненты которой связаны попарно и последовательно отношениями (и операциями) интенциональной конкретизации, социокультурной конвенционализации и языковой реализации, позволяет рассмотреть прагматический аспект речевой системности с ономаσιологических позиций. Продуктивность этого подхода особенно ясно была осознана лингвистами-практиками применительно к обучению

продуктивным видам речевой деятельности – говорению и письму. В.А. Белошапкова и И.Г. Милославский в обобщающей статье «Вопросы идеографической грамматики русского языка» еще в 1988 г. справедливо утверждали: «Идеи конструктивной лингвистики, решающей вопросы создания (точнее, извлечения из океана языковых знаков) языковой единицы, обладающей набором точно заданных свойств, идут рука об руку с потребностями общественной практики. Причем в этом случае общественная практика включает в себя <...> и обучение русскому языку тех, для кого русский язык является родным <...> В самом деле, главная цель обучения родному языку состоит не в умении раскладывать факты языка по определенным “полочкам”, но в умении абсолютно точно и соответственно ситуации выразить свою мысль» [Белошапкова, Милославский 1988: 7]. В прагматике речевого поступка в качестве диалогического коммуникативного смысла речевого действия выступает речевая тактика, которая подлежит языковому выражению. Общим местом работ по коммуникативистике является постулат, что коммуникативные намерения адресанта должны быть опознаны адресатом (См., например, у В.В. Дементьева: «представим общую цель, которую преследует человек, вступающий в коммуникацию как передачу коммуникативных смыслов и прочтение коммуникативных смыслов» [Дементьев 2000: 35]) Однако коммуникативные смыслы присущи каждому выделенному структурному компоненту РП. Можно предположить, что коммуникативные смыслы разных компонентов РП прочитываются с различной степенью прозрачности. Так, КТ, мотивы речевых действий и сама личность адресанта **декодируются** адресатом интерпретативно, гипотетически, с некоторой степенью предположительности, вероятности; эти гипотезы могут быть верифицированы в процессе общения (как в нашем примере диалога матери и сына). РИ характеризует РЖ «на прагматическом основании», а также «в аспекте дифференциации основной функции» [Матвеева 2003: 288]. Нельзя не согласиться с мнением М.П. Брандес: «Так как любое изложение содержания (даже болтовня) целесообразно, то речевой жанр трактуется как *целесообразная форма*, т.е. форма *конкретного* целевого содержания. Как информационная форма речевой жанр может рассматриваться как форма целесообразности, т.е. *абстрактного*, символического, целевого содержания, в которой абстрагированы общественные отношения» [Брандес 2004: 56] (курсив М.П. Брандес. – И.Б.). Поэтому основная прагматическая функция РЖ не декодируется, а **опознается** адресатом в силу конвенционального и стереотипного характера соотношения. В нашем примере микродиалога в реплике С. (1) первый речевой поступок (*Да вроде нет...*) является реакцией

на РИ, а второй (*А что нужно?*) – интерпретирующей реакцией на КТ (коммуникативный смысл).

Исходя из сказанного, рассмотрим РП как *коммуникативный знак* речевого взаимодействия, предназначенный для понимания и интерпретации адресатом. Как любой знак, РП характеризуется планом выражения (ПВ) и планом содержания (ПС). К прагматическому плану содержания относится комплекс компонентов РТ – РИ (прагматический компонент замысла [Борисова 2009: 112–116]). К речевому и языковому плану выражения прагматических компонентов – РЖ и РШ. В прагматической структуре речевого поступка РЖ может быть интерпретирован как конвенциональная, социокультурно типизированная и постоянно воспроизводимая в речевой практике форма выражения речевой интенции, которая достаточно однозначно опознается реципиентом речи. Благодаря речевжанровому компоненту речевой поступок социально-культурно конвенционален, предназначен для осмысленной речевой интеракции, т.к. РЖ – *средство* первичного речевого кодирования коммуникативного действия.

Прагматический план содержания РП, его иллокутивную составляющую (КТ – РИ) и план выражения речевого поступка (РЖ – РШ) связывают *отношения манифестации*. (Ср.: «Язык – универсальная знаковая система, служащая для передачи мыслительного содержания (информации) с помощью определенных материальных форм. Отношения манифестации, связывающие элементы плана содержания с элементами плана выражения, имеют в его структуре исключительно важное значение. Эти отношения в словах, представляющих собой знаки языка в наиболее полном, классическом виде, реализованы в связях внешней материальной стороны формы слова – лексемы, с его внутренней, идеальной стороной – семемой» [Кузнецова 1989: 10].)

Как любой знак, РП в прагматическом аспекте характеризуется *отношениями асимметрического дуализма* ПВ и ПС: «Знак и значение не покрывают друг друга полностью. Их границы не совпадают во всех точках: один и тот же знак имеет несколько функций, одно и то же значение выражается несколькими знаками» [Карцевский. URL: <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/ru/karcevskiy/dualizm.html> (дата обращения – 18.06.2014)]. Прагматический компонент замысла за счет различных способов репрезентации РТ в РИ может манифестироваться различными РЖ (например, прямо или косвенно, с различной степенью императивности или категоричности и пр.). В рассмотренном микродиалоге матери и сына РТ каузации желаемого действия адресата могла бы быть гипотетически

выражена и в формах РЖ просьбы, требования, приказа, мольбы, а также комплексных РЖ уговоров, выпрашивания («канюченья») и убеждения. С другой стороны, конкретный РШ (*Ты сегодня выходишь собираешься?*) является потенциально многозначной формой, способной в разных коммуникативных контекстах выражать различные речевые интенции и коммуникативные тактики: информативного вопроса о намерениях, упрека, выражения недовольства, замечания, аргументации просьбы и пр.

Как показано многими авторами, в составе коммуникативных событий значительной протяженности, получающих речевую манифестацию в речевых формах комплексных монологических и диалогических РЖ, речевые поступки вступают в *синтагматические отношения*. При этом можно выделить последовательности РП в коммуникативных контекстах различного масштаба и архитектоники: 1) в горизонтальном контексте (в формальных рамках одной реплики диалога (композитивная реплика) или в рамках одного диалогического единства (акции и реакции); 2) в вертикальном контексте (в составе речевой партии одного коммуникативного партнера); 3) в социально-ролевом контексте типовой коммуникативной ситуации (например, призыва к откровенности у Е.М. Верещагина и др. [Верещагин и др. 2005], уговоров, убеждения и утешения у М.Ю. Федосюка [Федосюк 1999]) или коммуникативного события (рынок, например, у М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой [Китайгородская, Розанова 2010]).

Классификационный аспект речевой системности основывается на *парадигматических отношениях* и *вариантно-инвариантных отношениях* структурных компонентов РП, в которых коммуникативные тактики и речевые жанры объединяются в классы по близости коммуникативных функций различной степени абстракции. Например, в работах А.В. Ланских [Ланских 2008] и Я.Т. Рытниковой [Рытникова 1996], В.С. Третьяковой [Третьякова 2002] (речевые тактики гармоничного / дисгармоничного, кооперативного / конфликтного общения). Известна классификация РЖ Т.В. Шмелевой [Шмелева 1995], в которой по общности коммуникативной цели выделяются информативные, оценочные, этикетные и императивные РЖ, и М.Ю. Федосюка [Федосюк 1996] по типу коммуникативного воздействия РЖ (информативные, эмотивные и императивные РЖ); классификации жанрового варьирования (субжанр и гипержанр) и внутржанровых стратегий К.Ф. Седова [Седов 1999].

Существует опыт описания речевой системности на комплексных основаниях. Например, систематика РЖ непрямой коммуникации по признаку косвенности и

коммуникативной функции (улучшения /сохранения /ухудшения отношений коммуникантов) у [Дементьев 2000], исследования речежанровой системности на уровне функционального стиля [Салимовский 2002], а также систематика конфликтного общения на уровне коммуникативных сценариев [Борисова 2008].

Вместо заключения скажем несколько слов о релевантности компонентного состава РП для обозначения прагматического компонента коммуникативной компетенции языковой личности. Перекодирование прагматического компонента замысла в конвенциональные речежанровые формы его речевого выражения можно считать ведущим уровнем коммуникативной компетентности. К.Ф. Седов [Седов 1999: 42] доказал, что дискурсивному мышлению языковой личности имманентно присущ жанровый характер. Справедлива точка зрения И.В. Пешкова: «...сознательно говорящий человек должен быть специально воспитан, обучен принципам и навыкам речевого поведения, причем связанного не столько с уровнем нормы... сколько с уровнем действия словом, действия сознательного, внутренне осмысленного» [Пешков 1996: 8]. Собственно говоря, принципы, нормы, коммуникативные ориентиры для эффективной организации речевого поведения и являются одним из аспектов обучения в курсах культуры речи и риторики, в коммуникативных тренингах.

Речевая системность, выявленная на основании соотнесенности компонентных, процессуальных и продуктивных характеристик речевого поступка, позволяет выделить следующие уровни прагматической компетентности, которые дают операционные ориентиры для корректного продуцирования и адекватной перцепции РП как основной структурной единицы речевой практики:

1. *Афферентационный уровень* – ориентация в реалиях текущего коммуникативного события и уяснение его типа, структуры коммуникативной ситуации, других релевантных факторов общения (в частности, коммуникативных ролей, ролевых предписаний и ожиданий, возможных мотиваций коммуникативных партнеров). «Ролевые деятельности в случаях регулярности и нормированности предполагают заранее обусловленные акции и реакции ролевых партнеров» [Тарасов 1977: 88]. Кроме того, как отмечает Л.П. Крысин, дело «не просто в характере социальной роли, а в целевой установке при ее исполнении в той или иной коммуникативной ситуации» [Крысин 1989: 142]. Значимость мотивационного аспекта речевых поступков убедительно показана в анализе разговорных диалогов В.А. Салимовским [Салимовский 2009].

2. *Уровень ситуативного тактико-стратегического планирования*: выбор способа исполнения коммуникативной роли, прогнозирование возможных коммуникативных сценариев, коммуникативной стратегии, отвечающей деятельностной мотивации, и планирование конституирующей ее синтагматической последовательности коммуникативных тактик.

3. *Уровень речежанрового кодирования* (речежанровой компетентности, по К.Ф. Седову [Седов 1999]): прагматические нормы, правила, способы перекодирования (репрезентации) КТ в КИ и выбора соответствующего РЖ (ориентация в парадигматических, синтагматических, вариантных отношениях, асимметричности компонентов плана выражения и плана содержания речевого поступка).

4. *Уровень языкового кодирования* прагматически релевантных компонентов речевого жанра и его языковое оформление. При этом заметим, что, кроме речежанровой формы (текстемы), коммуникативные тактики могут манифестироваться и с помощью *лингвем* и *речем* (например, тактики управления коммуникативной тональностью), а также *стилем* (в типологии Т.В. Матвеевой [Купина, Матвеева 2013: 47]) (например, переход на другой способ стилистического или субъязыкового кодирования «code-switching» в аспекте многоречия [Крысин 2003; Русский язык в многоречном социокультурном пространстве 2014]).

Можно надеяться, что выявленная структурно-динамическая модель РП (компонентная структура, операционный состав) при формировании прагматикона языковой личности методически поможет выявить ориентиры прагматической систематики для продуктивной и рецептивной речевой деятельности и акцентировать внимание на речевых технологиях конструирования речевых поступков в актуальной речевой практике. Структурные компоненты речевого поступка являются прагматическими константами диалогической коммуникации.

Список литературы

Бахтин М.М. Проблемы речевых жанров// М.М. Бахтин. Собрание сочинений. Т.5. Работы 1940 – начала 1960-х годов. М.: Языки славянской культуры, 1997. С. 159–206.

Белошапкина В.А., Милославский И.Г. Вопросы идеографической грамматики русского языка// Идеографические аспекты русской грамматики / Под ред. В.А. Белошапкиной и И.Г. Милославского. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 3–11.

- Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс. 3-е изд. М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. 416 с.
- Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика. Изд. 3-е. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009. 320 с.
- Борисова И.Н. Структура и динамика дискурса в потенциально конфликтной ситуации// Речевая конфликтология. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. С. 33–69.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик, 2005. 1040 с.
- Выготский Л.С. Мышление и речь. Изд. 5-е, испр. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
- Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 248 с.
- Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 159 с.
- Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака. URL: <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/ru/karcevskiy/dualizm.html> (дата обращения: 18.06.2014).
- Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковое существование современного горожанина: на материале языка Москвы. М.: Языки славянских культур, 2010. 496 с.
- Кошелев А.Д. Современная теоретическая лингвистика как Вавилонская башня (О “мирном” сосуществовании множества несовместимых теорий языка) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2013. Том 72. № 6. С. 3–22.
- Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. М.: Высшая школа, 1989. 215 с.
- Купина Н.А., Матвеева Т.В. Стилистика современного русского языка. М.: Юрайт, 2013. 415 с.
- Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989. 186 с.
- Крысин Л.П. Кодовые переключения в речевом поведении говорящего// Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 375–379.
- Ланских А.В. Речевое поведение участников реалити-шоу: коммуникативные стратегии и тактики: дис. ... канд. филол. наук. Урал. ун-т. Екатеринбург, 2008. 182 с.
- Леонтьев А.Н. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
- Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М.: Флинта; Наука, 2003. 432 с.
- Пешков И.В. М.М. Бахтин: от философии поступка к риторике поступка. М.: Лабиринт, 1996. 176 с.
- Русский язык в многоречном социокультурном пространстве/ Отв. ред. Б.М. Гаспаров, Н.А. Купина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 324 с.
- Рытникова Я.Т. Семейная беседа: обоснование и риторическая интерпретация жанра: дис. ... канд. филол. наук. Урал. ун-т. Екатеринбург, 1996. 212 с.
- Салимовский В.А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. 236 с.

Салимовский В.А. Речевое воплощение личности (мотивационный аспект) // Я и Другой в пространстве текста. Пермь–Люблина, 2009. Вып. 2. С. 347–364.

Седов К.Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. 180 с.

Тарасов Е.Ф. Место речевого общения в коммуникативном акте // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. С. 65–95.

Третьякова В.С. Речевой конфликт и гармонизация общения. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 287 с.

Федосюк М.Ю. Комплексные жанры разговорной речи: «утешение», «убеждение» и «уговоры» // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург: АРГО, 1996. С. 73–94.

Шмелева Т.В. Речевой жанр: опыт общепилологического осмысления // Collegium. 1995, № 1–2. С. 57–65.

References

Bakhtin M.M. Problemy rechevykh zhanrov [The problems of speech genres]. *Sobranie sochinenij. T.5. Raboty 1940 – nachala 1960-kh godov* [Collected works. V.5. The works of 1940 – principles of 1960]. M., Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 1997. Pp. 159–206.

Beloshapkova V.A., Myloslavsky I.G. Voprosy ideograficheskoj grammatiki russkogo jazyka [The problems of Ideographic Russian grammar]. *Ideograficheskie aspekty russkoj grammatiki* [Ideographic aspects of Russian grammar]. M., Moscow Univ. Publ., 1988. Pp. 3–11.

Borisova I.N. Russkij razgovornyj dialog: Struktura i dinamika [Russian colloquial dialogue: Structure and dynamics]. 3rd ed. M., LIBROKOM Publ. House, 2009. 320 p.

Borisova I.N. Struktura i dinamika diskursa v potencial'no konfliktnoj situacii [Discourse Structure and dynamics of potential conflict]. *Rechevaja konfliktologija* [Speech Conflictology]. SPb., RSPU named after A.I. Herzen, 2008. Pp. 33–69.

Brandes M.P. Stilistika teksta [Text Stylistics. Theoretical course]. 3rd ed. M., Progress-Tradicija & INFRA-M Publ., 2004. 416 p.

Dement'ev V.V. Nepryamaya kommunikatsiya i ee zhanry [Indirect communication and its genres]. M., Gnozis Publ., 2006. 560 p.

Fedosjuk M.Ju. Kompleksnye zhanry razgovornoj rechi: «uteshenie», «ubezhdenie» i «ugovory» [Comprehensive colloquial genres – “make-quiet down”, “make-belief” and “make-agree”]. *Russkaja razgovornaja rech' kak javlenie gorodskoj kul'tury* [Russian colloquial speech as a phenomenon of urban culture]. Ekaterinburg, Argo Publ., 1996. Pp. 73–94.

Karcevskij S.O. Ob asimmetrichnom dualizme lingvisticheskogo znaka [Asymmetric dualism of a linguistic sign]. Available at: <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/ru/karcevskiy/dualizm.html> (accessed 18.06.2014).

Kitajgorodskaja M.V., Rozanova N.N. Jazykovoje sushhestvovanie sovremennogo gorozhanina: na materiale jazyka Moskvy [The language existence of a modern townsman: on the material of muscovite's speech]. M., Jazyki slavjanskikh kul'tur Publ., 2010. 496 p.

Koshelev A.D. Sovremennaja teoreticheskaja lingvistika kak Vavilonskaja bashnja (O “mirnom” sosushhestvovanii mnozhestva nesovmestimyh teorij jazyka) [Modern theoretical

linguistics as the Tower of Babel (On "peaceful" coexistence of incompatible theories of language)]. *Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka*, 2013. Vol. 72. № 6. Pp. 3–22.

Krysin L.P. Kodovye perekljuchenija v rechevom povedenii govornjashhego [Code-switching in speech behavior]. *Sovremennyj russkij jazyk: Social'naja i funkcional'naja differenciacija* [Modern Russian. Social and functional differentiation]. M., Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2003. Pp. 375–379.

Krysin L.P. Sociolingvističeskie aspekty izučeniya sovremennogo russkogo jazyka [Sociolinguistic aspects of modern Russian studies]. M., Nauka Publ., 1989. 186 p.

Kupina N.A., Matveeva T.V. Stilistika sovremennogo russkogo jazyka [Stylistics of modern Russian]. M., Jurajt Publ., 2013. 415 p.

Kuznecova E.V. Leksikologija russkogo jazyka [Russian lexicology]. M., Vysshaja Shkola Publ., 1989. 215 p.

Lanskih A.V. Rechevoe povedenie uchastnikov realiti-show: kommunikativnye strategii i taktiki: diss. ... kand. filol. nauk [Reality show participants' speech behavior. Communicative strategies and tactics: PhD thesis]. Ekaterinburg, Ural Univ. Publ., 2008. 182 p.

Leont'ev A.N. Osnovy psiholingvistiki [Fundamentals of psycholinguistics]. M., Smysl Publ., 1997. 287 p.

Matveeva T.V. Učebnyj slovar': russkij jazyk, kul'tura reči, stilistika, ritorika [Learner's dictionary: Russian language, speech culture, stylistics, rhetoric]. M.: Flinta & Nauka Publ., 2003. 432 p.

Peshkov I.V. M.M. Bahtin: ot filosofii postupka k ritorike postupka [M.M. Bakhtin: from philosophy of action to rhetoric of action]. M., Labirint Publ., 1996. 176 p.

Russkij jazyk v mnogorečnom sociokul'turnom prostranstve. Otv. red. B.M. Gasparov, N.A. Kupina [Russian in the polyglossal sociocultural space. Exec. eds. B.M. Gasparov, N.A. Kupina]. Ekaterinburg: Ural Univ. Publ., 2014. 324 p.

Rytnikova Ja.T. Semejnaja beseda: obosnovanie i ritoričeskaja interpretacija zhanra: diss. ... kand. filol. nauk [Family conversation: substantiation and rhetorical attribution of the genre: PhD thesis]. Ekaterinburg, Ural Univ. Publ., 1996. 212 p.

Salimovskij V.A. Rechevoe voplošhenie ličnosti (motivacionnyj aspekt) [Speech incarnation of personality (motivational aspect)]. *Ja i Drugoj v prostranstve teksta ["I" and "The Other" in the text space]*. Perm–Ljubljana, 2009. Vol. 2. Pp. 347–364.

Sedov K.F. Stanovlenie diskursivnogo myšlenija jazykovoj ličnosti [Formation of discursive mindset of linguistic personality]. Saratov: Saratov Univ. Publ., 1999. 180 p.

Shmeleva T.V. Rečevoj zhanr: opyt obshhefilologičeskogo osmyslenija [Speech genre: the experience of philological substantiation]. *Collegium*, 1995. № 1–2. Pp. 57–65.

Tarasov E.F. Mesto rečevogo obshhenija v kommunikativnom akte [Disposition of verbal communication in the communicative act]. *Nacional'no-kul'turnaja specifika rečevogo povedenija* [National & cultural specificity of verbal behavior]. M., Nauka Publ., 1977. Pp. 65–95.

Tret'jakova V.S. Rečevoj konflikt i garmonizacija obshhenija [Speech conflict and harmonization of communication]. Ekaterinburg, Ural Univ. Publ., 2002. 287 p.

Vereshhagin E.M., Kostomarov V.G. Jazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedčeskie koncepcii: leksičeskogo fona, reče-povedenčeskikh taktik i sapientemy [Language and culture. Three concepts of culture-oriented linguistics: lexical background, speech behavior tactics and sapientemas]. M., Indrik Publ., 2005. 1040 p.

Vygotskij L.S. Myshlenie i rech' [Thinking and speech]. 5th ed., rev. M., Labirint Publ., 1999. 352 p.

Zhinkin N.I. Rech' kak provodnik informacii [Speech as the information conductor]. M., Nauka Publ., 1982, 159 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Борисова Ирина Николаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор, заведующая кафедрой русского и иностранных языков

Гуманитарный университет

Россия, 620076, Екатеринбург, ул. Мира, д.42, кв. 22.

E-mail: myirena@list.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Borisova Irina Nikolaevna, Doctor of Philology, Full Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Languages

Liberal Arts University (Yekaterinburg)

42 Mira st., ap. 22, Yekaterinburg 620076 Russia

E-mail: myirena@list.ru